

ПОТЕРЯННОГО НАВСЕГДА

Рос. вестн. - 1996. - 16 авг. - с. 3

Исполнилось 75 лет со дня гибели Николая Гумилева

Еще недавно, в апреле, отмечалась 110-я годовщина со дня рождения Николая Гумилева, и вот новая дата: в августе исполняется 75-летие со времени убийства поэта. Именно убийства, если вещи называть своими именами, обыденного в череде злодеяний большевистской власти.

Мы не знаем ни точной даты гибели, ни места, где упокоился прах одного из самых изысканных поэтов серебряного века.

Прапорщик 5-го гусарского Александрийского Ее Величества государыни императрицы Александры Федоровны полка, доблестный воин первой мировой «святой Георгий тронул дважды пулею нетронутую грудь». Небожитель российского Парнаса, пребывавший, по замечанию Валерия Брюсова, «в мире воображаемом и почти призрачном», Гумилев не скрывал своего неприятия октябрьского переворота. Как свидетельствует А. Я. Левинсон, встречавшийся в издательстве «Всемирная литература» с Гумилевым, «раз навсегда с негодованием и брезгливостью отвергнутый режим как бы не существовал для него». Понятно, офицерская шинель, оленья кожа с белой оторочкой по подолу или безукоризненный фрак, в которых демонстративно щеголял надменный поэт, вызывали ярость кожаных комиссарских курток, словно провоцируя их обладателей хвататься всякий раз за маузер. А поводов к тому хватало. В марте 1921 года больше-

вики свирепо подавили мятежный Кронштадт.

Умерла бытовавшая долгое время версия о том, что Гумилев не был активным участником так называемой «Петроградской боевой организации», а только знал о ней, но не донес - офицерская честь не позволила. Умерла, поскольку у историков не осталось больше сомнений в том, что никакого «заговора профессора Таганцева» не было. Сам Владимир Николаевич Таганцев, университетский преподаватель, занимавшийся проблемами использования в сельском хозяйстве сапропеля - озерного ила, - не был профессором: звание ему придумали чекисты, потому что уже одно это слово способно было «зажечь ярость революционных масс».

382 тома составляет уголовное дело № И-1381 о «Петроградской боевой организации». Под № 30 в списке расстрелянных по постановлению Президиума Петроградской губернской чрезвычайной комиссии от 24 августа 1921 года значится поэт Гумилев. Всего было привлечено к уголовной ответственности 833 человека. Все они постановлением Проку-

ФОТО ИТАР-ТАСС.

ратуры Российской Федерации в мае 1992 года реабилитированы. Вывод прокуратуры: чекисты сфабриковали дело о кадетско-белогвардейском подполье, чтобы оправдать кровавую расправу над участниками восстания кронштадтского гарнизона и экипажей боевых кораблей Балтфлота, вызванного крахом внутренней и внешней политики правительства.

Справка расстрелянных был опубликован в «Петроградской правде» 1 сентября. Разные источники называют разные даты казни Гумилева. Владислав Ходасевич вспоминает, что зашел к Гумилеву вечером 3 августа и «был последним, кто видел его на воле. Его преувеличенной радости моему приходу, должно быть,

было предчувствие, что после меня он уже никого не увидит». Если верить Георгию Иванову, Гумилев в день ареста вернулся домой около 2 часов ночи, где его уже ждали чекисты с ордером на обыск и арест. Нина Берберова называет датой ареста 4 августа и вспоминает, что накануне они с Гумилевым гуляли вечером по городу. Как бы то ни было, поэта арестовали за 3 - 4 дня до смерти Александра Блока, на похоронах которого друзья Гумилева сговорились идти в ЧК просить выпустить его на поруки Академии наук и лояльного власти Пролеткульта. Скорее всего они так никогда и не узнали, что вождь мирового пролетариата уже вынес свой вердикт. По поводу одного из прошений за безвинных узников ЧК Ильич собственноручно начертать изволил: «Таганцев так серьезно обвиняется и с такими уликами, что освободить сейчас невозможно». Таким образом, «самый человечный человек» решил участь блистательного русского поэта, воздев над ним терновый венец мученика.

Список расстрелянных был опубликован в «Петроградской правде» 1 сентября. Разные источники называют разные даты казни Гумилева: 23, 24, 25 и 27 августа 1921 года. О последних часах его жизни ходят лишь легенды. Одна из них настолько, кажется, точно соотносится с нашими представлениями об этой

незаурядной личности, что трудно удержаться от соблазна напомнить о ней. Говорят, что якобы к самому расстрелу послело ленинское соизволение помиловать Гумилева и палач приказал поэту выйти из строя приговоренных. «Здесь нет поэта, - будто бы последовал ответ, - а есть офицер Гумилев».

По другой не менее красивой легенде перед уходом на смерть Гумилев записал на стене своего узилыща стихи: «Знаю - сгустком крови черной за свободу я плачу». И сцену перед расстрелом, и последние стихи на стене тюремной камеры считал «ерундой» сын поэта Лев Николаевич Гумилев, который, по свидетельству М. Эльзона, говорил: «Не ищите и не надейтесь опубликовать последние стихи отца - он унес их с собой». И все же теплится надежда отыскать в неприступных архивах печально известного ведомства какое-нибудь, говоря словами поэта, «мелькающее отражение потерянного навсегда».

В 20-х числах августа почитатели музыки Гумилева соберутся на железнодорожной станции Бернгардовка, под Петербургом, в окрестностях которой, как предполагается, совершенно было убийство поэта. Здесь они намереваются соорудить мемориальную часовню.

**Юрий КУКАНОВ,
соб. корр. «РВ».**

Санкт-Петербург.